

Гурьянов Алексей Сергеевич

Gurianov Alexei Sergeevich

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры «Философия и медиакоммуникации»
Казанского государственного
энергетического университета

PhD, Associate Professor,
Department of Philosophy
and Media Communications,
Kazan State Power Engineering University

КОНКРЕТНОЕ ПОНЯТИЕ ПОДРУЧНОГО СРЕДСТВА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ АНАЛИТИКЕ М. ХАЙДЕГГЕРА

THE CONCRETE NOTION OF THE READY-TO-HAND EQUIPMENT IN EXISTENTIAL ANALYTICS OF HEIDEGGER

Аннотация:

В статье рассматривается один из аспектов экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера – повседневное обращение с подручным средством. Своей целью автор ставит анализ понятия средства в более широкой перспективе, позволяющей расширить границы повседневности. Феноменологический взгляд на обращение с изделием признается неадекватным, поскольку ограничивает сущность средства рассмотрением лишь его предназначения в повседневности. В работе используется диалектика для раскрытия сущности подручного изделия в исторической перспективе его возникновения и становления. Сделан вывод, что в повседневном обращении раскрывается лишь назначение изделия, тогда как действительное знание его сущности доступно главным образом его создателю, для которого оно является не средством обращения, а целью; конкретным понятием вещи обладает тот, кто знает историю ее «жизни». Соответственно, повседневная озабоченность внутримирным сущим – не изначальный модус бытия-в-мире. Первичным является неповседневное творческое отношение человека к своему миру.

Ключевые слова:

повседневное обращение, конкретное понятие, историчность, подручное средство, творение, изделие, назначение, опредмечивание.

Summary:

The paper explores one of the aspects of Heidegger's existential analysis that is daily dealing with ready-to-hand equipment. The purpose of the study is to analyze the equipment in a broader perspective to widen the borders of the daily being phenomenon. For these reasons, the phenomenological view of dealing with a product is considered to be inadequate, since it limits the essence of equipment to grasping its purpose in everyday use. Therefore, the author uses dialectics to elicit the essence of a ready-to-hand tool in the historical perspective of its emergence and formation. The author concludes that in everyday circulation only the purpose of the product is disclosed, whereas the actual knowledge of its essence is mainly accessible to its creator for whom it is the aim rather than a ready-to-hand means; the concrete notion of a thing is possessed by those who know the history of its "life". Accordingly, everyday concern with the world is not the primary mode of being-in-the-world. The primary one is the person's non-daily creative attitude to the world.

Keywords:

daily dealing, concrete notion, historicity, ready-to-hand equipment, creation, product, designation, objectification.

Терминологически в названии работы «скрещиваются» две философские традиции: диалектическая и феноменологическая (герменевтическая). Г. Гегель и М. Хайдеггер были, вероятно, антагонистами во всем: от методологических установок и проблематики исследований до образа жизни, хотя диалог, переходящий в полемику, М. Хайдеггер вел с Г. Гегелем на протяжении всей своей философской деятельности: начиная с курса лекций «Логика. Вопрос об истине» 1925–1926 гг. и его *magnum opus* «Бытие и время» 1927 г., где он впервые начинает полемизировать с Г. Гегелем по вопросу о времени и различии в статусе бытия и бытия-сущего, и заканчивая докладом «Гегель и греки» 1958 г. и семинаром по «Науке логики» 1956–1957 гг., в которых (а также в некоторых других работах) философия Г. Гегеля в глазах М. Хайдеггера воплощала в себе европейскую метафизическую традицию со все большим отходом от «изначального мышления» и нарастающим забвением «вопроса о бытии» в сторону осмысления сущего как основного предмета философской рефлексии. Возвращение к началу философского вопрошания и редукцию европейской философской традиции М. Хайдеггер видит в ориентации на «мыслящее» (*denkerisches*) мышление, тогда как гегелевский спекулятивный подход символизирует для него «думающее» (*denkendes*) мышление, имеющее противоположный вектор и нацеленное на сущее. В.В. Библихин квалифицирует это различие как «схождение» и «восхождение» ума [1, с. 125].

Хайдеггер отмечает, что систематика Гегеля воплощает собой метафизическую традицию европейской философии, и встать на более высокую «точку зрения» не представляется возможным. В работе, посвященной разбирательству с Гегелем, Хайдеггер пишет: «Своеобразие философии Гегеля прежде всего в том, что за ее пределами уже не существует *более высокой* точки самосознания духа. Поэтому в будущем невозможно утвердиться на чем-то таком, что... было

бы *выше* его систематики» [2, с. 16]. В этом свете свою задачу Хайдеггер видит не в том, чтобы «поймать Гегеля за язык» и выявить частные изъяны в его системе, но в том, чтобы обнаружить скрытую основу, проигнорированную самим Гегелем, а вернее – оставшуюся ему недоступной в силу связанности той самой традицией. В этом свете Н.С. Плотников справедливо замечает по поводу длительного «монолога» Хайдеггера в адрес Гегеля, завершившегося последней статьей немецкого мыслителя «Конец философии и дело мысли»: «...после конца философии мысль только начинается» [3]. И если Хайдеггер рассчитывал своей собственной мыслью инициировать «мыслящее» мышление, то мы своей задачей видим вскрыть лакуны в одном из сегментов его аналитики повседневного обращения с подручным, вооружившись «думающим» мышлением.

Как известно, экзистенциальная аналитика расщепляет бытие человека на два способа бытия: собственное (оно же – экзистирование как переживание собственной конечности или бытие-к-смерти) и падающее (повседневное, публичное, затерянное). Последнее фундировано бытием-в-мире как одним из главных экзистенциалов, и озабоченность миром и внутримирным сущим – это то, чего присутствие держится ближайшим образом и по большей части. Соответственно, повседневность и повседневное обращение с внутримирным сущим как средством – отличительная черта падающего присутствия.

Хайдеггер отмечает, что средство размыкается в его отсыланиях, а размыкается оно в непосредственном нетематическом обращении, в котором и высвечивается специфическое *для-чего* средства или его служебность, как отмечается Хайдеггером в более поздних произведениях. Человек усматривает *для-чего* вещи в непосредственном обращении с ней. Так, специфическое *для-чего* скамьи – это ее предназначенность для сидения. Человеку не приходится задаваться вопросом о том, что это за предмет, так как он вплетен в привычное, повседневное обращение с ним; в противном случае скамья стала бы предметом особого предметного изучения. В этом свете нетематическое использование средства тем более гениально, чем более им просто пользуются. Соответственно, подручность – это «способ бытия средства, в котором оно обнаруживает себя самим собой» [4, с. 69]. При этом скамья вплетена в множество других *для-чего*, образующих множество отсыланий: скамья расположена в кинотеатре под открытым небом; рядом с ней множество других скамеек; с одной стороны расположен экран со своим собственным *для-чего*; по периметру расставлены киоски с мороженым, фастфудом и своим собственным назначением. Так каждая вещь вплетена в ансамбль отсыланий. П. Гиббс об этом пишет: «Для Хайдеггера мир – это не совокупность наличного под рукой, которое лишь случается, но целостный контекст отношений» [5].

Как видно, Хайдеггер как само собой разумеющееся отождествляет *для-чего* средства с его *по-себе*: «Служебность – вот та глубинная черта, изнутри которой вот это сущее, взглядывая на нас, т. е. мгновенно вспыхивая, вместе с тем пребывает и есть такое-то сущее» [6]. И в этом мы видим некоторый недосмотр экзистенциальной аналитики.

Выявление *по-себе* изделия Хайдеггер понимает как размыкание функциональности, *предназначения* вещи, тогда как эта операция по отношению к изделию, очевидно, является вторичной, а первичным отношением к подручному является собственно *назначение*, осуществляемое в создании этой вещи. Лишь ее автор в акте опредмечивания осуществляет первичное назначение, впоследствии усматриваемое как предназначение. Хайдеггер, ориентирующийся на повседневность внутримирного бытия человека, вырывает человека из ситуации формирования значения. И действительно, для повседневного массового сознания не имеет значения происхождение вещей, оно воспринимает все, как справедливо отмечал Х. Ортега-и-Гассет, как должное. Оно озабочено лишь безудержным распремечиванием продуктов труда других людей, потреблением и разнообразием ассортимента потребляемого, наслаждаясь комфортом и изобилием, полученными из чужих рук: «...именно в XIX в. цивилизация позволила среднему человеку утвердиться в избыточном мире, воспринятом как изобилие благ, но не забот. Он очутился среди сказочных машин, чудодейственных лекарств, услужливых правительств, уютных гражданских прав. А вот задуматься над тем, как непросто создавать эти машины и лекарства и обеспечивать их появление впредь и как шатко само устройство общества и государства, он не успел и, не заботясь о трудностях, почти не ощущает обязанностей. Такой сдвиг равновесия калечит его и, подрезав жизненные корни, уже не дает ему ощутить саму сущность жизни...» [7]. Аналитика повседневности – очевидное экзистенциальное обоснование общества потребления, так как под рукой у человека не только молотки или скамьи – любимые примеры Хайдеггера, но и еда, развлечения и т. д. Для падающего присутствия все есть встречное средство.

Но если повседневное бытие не заботит происхождение используемых средств, они для него всегда уже предназначенные, то аналитика повседневности не может обойти стороной то, что служит условием повседневного потребления и первичным назначением. И, на наш взгляд, гениально размыкающим средством является тот, кто осуществляет производство и назначение

вещи. При этом под производством мы имеем в виду не серийное автоматизированное изготовление, но изначальное авторское создание. В работе о сущности техники, правда, Хайдеггер отмечает массовое промышленное изготовление как противостоящее подлинному творческому производству вещей. Г.В. Авдошин здесь пишет: «С машиной человек-поэт отстывает на второй план... И если человек-поэт живет в единении со своим произведением, то “машинный” человек, в общем, не имеет ничего общего с тем, что производит» [8, с. 28]. В этом свете лишь человек-поэт в широком смысле, т. е. творческий человек, обладает *конкретным понятием* вещи, а не тот, кто лишь ею пользуется, поскольку со времен Платона знанием обладает лишь тот, кто может ответить на вопрос: *почему* вещь такова? Лейбниц это сформулировал как онтологический закон достаточного основания: «...ни одно явление не может оказаться истинным или действительным... без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе, хотя эти основания в большинстве случаев вовсе не могут быть нам известны» [9, с. 455]. И далее: «Но достаточное основание должно быть также и в истинах случайных, или истинах факта, т. е. в ряде вещей, рассеянных в мире творений...» [10, с. 456]. Очевидно, что лишь тому, кто совершил акт творения в отношении вещи, может быть известно такое основание.

Между тем тот, кто лишь ремесленно ее воспроизводит, может в лучшем случае ответить на вопрос *как*, а тот, кто лишь пользуется, – на вопрос *для чего*. Это особенно очевидно на примере подручных средств, имеющих несколько более сложное устройство, нежели молоток или скамья: пользователь ПК имеет весьма поверхностное представление о том, что это за устройство; он не может сказать, *как оно устроено и почему так*, а значит, в чем заключено *по-себе* компьютера. В чем дело с изготовленной вещью лучше всего знает тот, кто ее изготовил, а не тот, кто ею лишь пользуется. Дж. Локк об этом справедливо замечает: «...Искусственная вещь есть произведение человека, который ее задумал и поэтому хорошо знает ее идею...» [11, с. 522–523]. Знает же он ее потому, что знает *историю происхождения и формирования*.

Конкретное мышление в гегелевском смысле отличается выявлением ключевых моментов истории вещи. Подобное восхождение к конкретности с применением историко-генетического метода исследования (в отличие от метода восхождения от абстрактного к конкретному, применимого к классам явлений) позволяет проследить и тем самым выявить те определения вещи, которые она обрела в ходе становления. Гегель в известном эссе «Кто мыслит абстрактно?» приводит пример с убийцей, ведомым на казнь, вокруг которого толпа, разделившись во мнениях, призывает как к скорой расправе, так и, напротив, к милосердию и прощению. В то же время единственно правильной и конкретной позицией может обладать лишь тот, кто предметно знаком с обстоятельствами жизни преступника, приведшими его к эшафоту. И хотя речь здесь идет о людях, применительно к изделиям этот подход также действенен: конкретным понятием изделия обладает тот, кто его создал и знает, как и почему оно появилось на свет. Соответственно, акцентировать внимание лишь на повседневном использовании изделий человеком – значит искусственно ограничивать его способы бытия-в-мире. При этом сам Хайдеггер признает мимоходом: «...обращение... не осмысливает это сущее тематически как случившуюся вещь, и никакое употребление не знает, скажем, о структуре средства как таковой» [12, с. 69]. Однако внимания этому в работе практически не уделено.

Следует отметить, что в произведениях более позднего периода («Вопрос о технике», «Исток художественного творения») Хайдеггер несколько расширяет свой взгляд на роль подручности в деле раскрытия *по-себе* вещей: с возросшей ролью постава, с одной стороны, и художественного творения, с другой, гениальность размыкания сущего в подручности отходит в сторону. Теперь Хайдеггер утверждает, что гениальность подручного средства раскрывается не столько в обращении, сколько в его изображении (и преображении) в произведении искусства: «Что такое изделие, о том сказала нам художественное творение» [13]. Таким образом, Хайдеггер, держа в уме прежнюю интерпретацию *по-себе* подручного средства, в то же время указывает на «еще более» *по-себе* произведенной вещи, открывающееся в художественном произведении.

На наш взгляд, в этих двух подходах к толкованию *по-себе* изделия, наиболее очевидных в работе «Исток художественного творения», автор экзистенциальной аналитики, справедливо отмечая творческий характер изделия, тем не менее перескакивает через специфический именно для изделия творческий характер деятельности и мерит его по шеллингианским абсолютным лекалам художественного творения, как если бы художественность была адекватным для любого творения мериллом. В этом свете говорить о техническом продукте как о произведении искусства можно лишь при большом желании. «Технэ» по-гречески хоть и обозначает искусство, но лишь в значении искусности как мастерства и квалификации и относилось главным образом к ремесленной работе. Неправоммерно оценивать материальное производство по меркам искусства, даже если в продукте гениального художника воплощены абсолютное тожде-

ство и гармония. И если труд создал человека, а сам он есть главным образом существо производящее, то деятельность опредмечивания во всех формах и социально-исторических сферах (не только в материально-производственном отношении) не только позволила ему воплотиться в своих творениях и изменить мир вокруг себя, но и обрести понимание того, что он делает в акте свободного, неотчужденного творчества.

Таким образом, 1) экзистенциальная аналитика намеренно сужает поле исследования в вопросе о подручности изделий, ограничивая ее повседневностью, вырванной из общественно-исторического контекста; 2) повседневное обращение с внутримирным сущим – не первичный способ обращения, присущий бытию-в-мире, так как нетематическому усмотрению предназначенности подручного средства предшествует акт назначения со стороны того, кто создает средство; 3) авторское изготовление вещи мастером позволяет лишь ему иметь адекватное самой вещи представление о ней; 4) последнее формируется как спекулятивное конкретное понятие, предполагающее знание истории возникновения и формирования вещи.

Ссылки:

1. Библихин В.В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge» // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 114–129.
2. Хайдеггер М. Негативность. Разбирательство с Гегелем в ракурсе вопроса о негативности. СПб., 2015. 320 с.
3. Плотников Н.С. Абсолютный дух и другое начало. Гегель и Хайдеггер [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/plotnikov/articles/02_band68.html (дата обращения: 05.12.2017).
4. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
5. Gibbs P. Heidegger's Contribution to the Understanding of Work-based Studies. N. Y. ; Dordrecht, 2010. 176 p.
6. Хайдеггер М. Исток художественного творения [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000282/index.shtml> (дата обращения: 15.11.2017).
7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega15.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 10.12.2017).
8. Авдошин Г.В. Видимое и модусы его презентации в искусстве : монография. Казань, 2013. 167 с.
9. Лейбниц Г.В. Монадология // Антология мировой философии : в 4 т. М., 1969. Т. 2. С. 450–464.
10. Там же. С. 456.
11. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. М., 1977. Т. 2.
12. Хайдеггер М. Бытие и время. С. 69.
13. Хайдеггер М. Исток художественного творения.